

Андрей Вознесенский: Я — олигарх стиха

**НА ДНЯХ МАСТЕРУ
ИСПОЛНИЛСЯ 71 ГОД.
КАК ЧУВСТВУЕТ
СЕБЯ СЕГОДНЯ
ЗНАМЕНИТЫЙ ПОЭТ?**

— Андрей Андреевич, как вам пишется с годами? Существует ли такая проблема, как поэт и возраст?

— Я считаю, что поэт — всегда личность не прямая, а косвенная. Он улавливает токи, которые идут Сверху — только успевай записывать. Конечно, многое зависит от эпохи. Но сейчас мне пишется страшно здорово! Я, как вилка, подключенная к розетке, записываю то, что созрело Наверху.

— Вы чувствуете свою избранность?

— Когда пишу, чувствую, что гениально. Возвышаюсь. А в жизни я обычный человек.

— И все-таки, поэт, на мой взгляд, не совсем земное создание. Он тот, кто может, например, заглянуть в Зазеркалье.

— Может, но... Однажды я издал сборник «Гадание по книге». Он был представлен на презентации только в одном экземпляре. Весь тираж погиб, когда машина, на которой его везли из Финляндии, опрокинулась. Погиб и шофер. В этом есть какая-то судьба. Нельзя было соприкасаться с потусторонним миром. Я не стал переиздавать сборник.

— У вас есть продолжатели?

— Сейчас ко мне приезжают несколько молодых поэтов с Украины, из Харькова — Денис Ворошилов и Александр Кривенко. Думаю, что у них большое будущее, они станут великими поэтами. Хотя им, конечно, тяжело. Раньше была политическая цензура, а сейчас — коммерческая. Если автора не знают, его книги не покупают.

— А на Западе так же?

— На Западе поэтов поддерживают меценаты, премии дают, субсидии. Например, в Америке очень значительна «Премия гению». Писателям там лучше живется, но пишется все же лучше здесь. У нас воздух другой, он не дает нам покоя.

— Каждый год выходят ваши новые сборники. Если не секрет, за чей счет они издаются?

— Я никогда сам не платил за свои книги.

ФОТО ВЛАДИМИРА ГЕРДО

Меня никто не спонсирует. Платят только гонимые. А издает издательство «Вагриус».

— Кто-то назвал вас самым богатым поэтом России. Это так?

— Богатый человек?! Да нет. Я — олигарх стиха. Выдумок обо мне много. Пишут, например, что у меня есть вилла на Багамах...

— Когда-то вы писали шлягеры...

— Сейчас нет. Делал это для денег, когда был совершенно нищим. Но мой «Барабан был плох» запретили, сказали, что его музыка похожа на гимн Израиля. Немного разбогател, написал «Миллион алых роз», «Мерзнет девочка в автомате». А вот

«Юнону и Авось» я писал уже не для коммерции.

— Проза в стихах — это сейчас модно?

— Проза всегда стихотворна. Например, Пушкин был прозаичен и простонароден в своем творчестве, взять хотя бы одну из его строк: «Здорово, ребята!» Маяковский, Пастернак, Хлебников обновляли язык за счет прозы. И поэтому для меня сейчас нет различия между прозой и стихами. Надоели кубики, квадратики, четверостишия, это скучно читать. Думаю, что XXI век уничтожит поэзию как таковую, будет какой-то синтез. Я чувствую, что во мне живет современность. Я современный человек и потому пишу на современные темы: наркотики, пирсинг и остальное.

— Как, на ваш взгляд, должен ли быть поэт всегда досказанным?

— Нет. Я, например, сам не всегда понимаю, что записываю. А тем более люди, читающие меня. Когда-то «Юнона и Авось» ассоциировалась с войной в Афганистане. В другие времена воспринималась как дружба России с Америкой, воссоединение семей. И сейчас слова оперы актуальны, только по-другому звучат. Но вечной, конечно, останется тема любви.

— Как среда обитания поэту необходима тайная жизнь, тайная свобода — так вы сказали в одном из стихотворений. Неужели без этого нет поэта?

— Нельзя заболтать свои строчки. Поэт всегда боится чего-то, он не хочет, чтобы люди залапали его сокровенные чувства. Я напечатал стихи о Пастернаке, о том, что он был привязан к двум березам — двум женщинам, Зинаиде и Ольге, которую звал Люся. «Две женщины — рассветы и закаты». Полвека жил человек на улице Павленко, привязанный, как будто под наркомом, к двум переделкинским березам.

А вот о себе: «Он мальчишка меня учил нетленке». Это была моя тайная жизнь, но она известна по стихам.

Беседовала Марина ТУЛЬСКАЯ

Мер. Москва - 2004 - 23 апр. с. 6